

МИОН

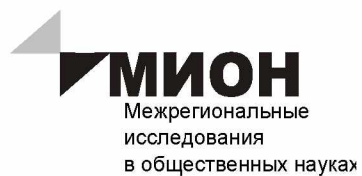
Межрегиональный
институт
исследований
в общественных
науках

научные
доклады

**МНОГОЛИКАЯ ФИНЛЯНДИЯ.
ОБРАЗ ФИНЛЯНДИИ И ФИННОВ В РОССИИ**

Новгородский
Межрегиональный Институт
Общественных наук

Министерство
образования и науки
Российской
Федерации

**«ИНОЦЕНТР
(Информация. Наука.
Образование)»**

Институт имени
Кеннана Центра
Вудро Вильсона
(США)

Корпорация Карнеги
в Нью-Йорке (США)

Фонд Джона Д. и
Кэтрин Т. МакАртуров
(США)

Институт
«Открытое общество»
(Фонд Сороса)

Данное издание осуществлено в рамках программы «Межрегиональные исследования в общественных науках», реализуемой совместно Министерством образования и науки РФ, «ИНОЦЕНТРОм (Информация. Наука. Образование)» и Институтом имени Кеннана Центра Вудро Вильсона, при поддержке Корпорации Карнеги в Нью-Йорке (США), Фонда Джона Д. и Кэтрин Т. МакАртуров (США) и Института «Открытое общество» (Фонд Сороса). Точка зрения, отраженная в данном издании, может не совпадать с точкой зрения доноров и организаторов Программы.

ББК 63.3(4Фин)+633(2)
М 73

Рецензенты:
доктор исторических наук, профессор *Л. В. Суни*
доктор исторических наук, профессор *М. Ф. Флоринский*

Печатается по решению Совета научных кураторов программы
«Межрегиональные исследования в общественных науках»

МНОГОЛИКАЯ ФИНЛЯНДИЯ. ОБРАЗ ФИНЛЯНДИИ И ФИННОВ В РОССИИ

Многоликая Финляндия. Образ Финляндии и финнов в России:
М 73 Сб. статей / Под науч. ред. А.Н.Цамутали, О.П.Илхова,
Г.М.Коваленко: НовГУ имени Ярослава Мудрого. – Великий Новгород,
2004. – 404 с., ил. (Серия «Научные доклады»; Вып. 1.).
ISBN 5–98769–003–X

После крушения Советского Союза начинается поиск Россией своего нового места в меняющемся мире. В связи с этим особую актуальность приобретает проблема взаимоотношений России с внешним миром, назревает необходимость переосмысления многих стереотипных представлений, связанных с проблемами взаимодействия и взаимовлияния культур, единства мировой культуры и наличия в ней общих закономерностей развития, соотношения общего и особенного в мировом культурном процессе. Особое значение имеет изучение взаимовосприятия России и ее ближайших соседей, в том числе Финляндии.

На протяжении многих веков географическое соседство русских и финнов, разносторонние межэтнические контакты являлись постоянным фактором их исторического развития. За это время «образы Финляндии», запечатленные в сознании русских людей, приобретали разные очертания – в зависимости от конкретного периода истории, изобиловавшей военными конфликтами, а также от характера господствовавшей идеологии.

В коллективном исследовании «Образ Финляндии в России», авторами которого являются историки, литературоведы, искусствоведы и социологи, показана динамика восприятия Финляндии в России с древнейших времен до наших дней, раскрыты факторы, влиявшие на формирование и эволюцию стереотипов и представлений о соседней стране.

ББК 63.3(4Фин)+633(2)

Книга распространяется бесплатно

Великий Новгород
2004

ISBN 5–98769–003–X

© Новгородский государственный
университет, 2004
© Новгородский межрегиональный
институт общественных наук, 2004

Э. Г. Карху

Финско-русские литературные связи

XIX–XX веков

Давнее, уходящее в глубь веков и тысячелетий соседство карелов, финнов и русских стало постоянным фактором их исторического развития. Даже в самые напряженные периоды их истории, изобиловавшей военными конфликтами, не прекращались межэтнические контакты в сфере материальной и духовной культуры.

Как известно, прибалтийско-финские народности причастны к возникновению русского государства, о чем свидетельствуют древнерусские летописи. Последующая наука выдвинула теорию уральского происхождения финно-угорских народов, и прибалтийские финны должны были свыкнуться с мыслью, что генетически и исторически они – евразийцы, имеющие отношение и к Европе, и к Азии.

Подобное же говорят о себе русские, населяющие оба континента. Вспомним строки Александра Блока: «Да, скифы – мы! Да, азиаты – мы, – с раскосыми и жадными очами!».

Между прочим, финский просветитель второй половины XVIII века Х.Г.Портан писал как раз о скифском происхождении финских племен. К этому можно добавить, что и сегодня, когда Финляндия входит в Европейский Союз и вроде бы окончательно и

бесповоротно «европеизировалась», сами финны нет-нет и напомнят не в меру увлекающимся головам, что в них все еще сохраняется нечто от «угров» и «азиатов».

Межэтнические культурные контакты весьма многообразны, и в этом общем историческом обзоре нет необходимости касаться всех форм, тем более с исчерпывающей полнотой. Нам важно охарактеризовать своеобразие каждого из исторических этапов с привлечением имеющихся исследований как по собственно народной (еще бесписьменной), так и профессиональной культуре, в основном по литературным связям.

Фольклорно-языковые межэтнические контакты

Этносы, их языки и фольклорные традиции соприкасались и взаимовлияли еще в те отдаленные от нас времена, которые принято называть «доисторическими» и от которых не осталось письменных свидетельств. Контакты осуществлялись в процессе устного общения более или менее спонтанно. Современная наука находит следы межэтнических контактов в языковых этимологиях, топонимике, в мифологических и исторических преданиях, песнях и сказках, пословицах и поговорках.

Главный вывод заключается в том, что народы, тем более соседствующие друг с другом, никогда, даже в самые древние эпохи не жили в полной изоляции, этнической обособленности. Подобно тому, как языки рождаются в процессе общения людей, так же культуры создаются коллективными усилиями родовых общин, племен, народов, наций, преемственностью многих поколений. Объективный исследовательский опыт показывает, что всякая односторонняя абсолютизация культурной самобытности какого-либо народа в прошлом или настоящем обычно не имеет под собой почвы, равно как серьезных оговорок требуют и модные ныне (у нас и за рубежом) утверждения, что высокая культура создается лишь «интеллектуальной элитой» и массы не имеют к ней отношения. В связи с 200-летием Пушкина приходилось слышать от иных комментаторов, что и он настолько «элитен», что понятен лишь избранным. Но ведь сам-то Пушкин верил, что его будут читать «и гордый внук славян, и финн, и ныне дикой тунгуз, и друг

степей калмык». Сама по себе «элитность» культуры ставит под вопрос ее народность и общечеловечность.

Свою небольшую страну и ограниченный прибалтийско-финский языковой регион финны нередко сравнивают с островом между двумя куда более обширными культурно-языковыми материками – славянским и германо-скандинавским. Однако эта «островная» обособленность лишь относительная; то, что прибалтийско-финские языки по своей структуре сильно отличаются от славянских и германских и сравнительно мало известны в остальном мире, еще не исключает многосложных перекрестных культурных взаимодействий и с Востоком, и с Западом. Неслучайно в Финляндии принято делить национальную культуру, как и народные диалекты, на две основные исторически сложившиеся разновидности: западно-финскую и восточнофинскую. Различия проявляются в фольклоре, в истории формирования финского литературного языка, в религиозно-конфессиональной принадлежности жителей, в типах национального характера, в региональном своеобразии крестьянских строений, усадеб и сельского ландшафта. Земля и леса в течение столетий использовались по-разному, на западе стало раньше внедряться современное полеводство и промышленное использование лесов, тогда как на востоке еще в начале XX века сохранилось подсечное земледелие и нетронутые лесные массивы.

Различия в межэтнических контактах уходят в глубь истории. По Ореховскому миру 1323 года значительная часть северной и восточной Финляндии, в том числе с карельским населением, отошла от Швеции к Новгородскому государству, и установившаяся граница просуществовала довольно долго, что способствовало распространению русского влияния на местную народную культуру. Еще М.А.Кастрен отмечал в 1830-е годы русское влияние на восточнофинскую и карельскую сказочную традицию, что подтверждали затем последующие финские исследователи. Существует мнение, что и название северного финского города Каяни возникло не без русского влияния, подобно тому, как название города Турку выводится из русского слова «торг» (там бывали русские торговые люди). Название округа Кайнуу русские произносили как «Каян», и так стало называться торговое место, будущий город Каяни. В новгородских летописях Ботнический залив называется «Каяно море» – это тоже модификация древнего названия округа Кайнуу.

Финско-карельско-русские языковые и этнокультурные взаимодействия исследовались некоторыми финскими и отечественными учеными, хотя интерес к ним носил эпизодический характер. Примером того, как эти взаимодействия происходили в области фольклора, может служить вышедшее в 1986 году исследование П.Хакамиеса «Влияние русских пословиц на карельские и финские пословицы»¹. В исследовании привлекаются для сопоставления отчасти и пословицы вепсов и ингерманландских финнов. Автор исходит из того, что это были разные по степени русского влияния регионы, разной интенсивности были межэтнические контакты. Наиболее ощутимые в восточных регионах, они постепенно ослаблялись к западу. Восточные регионы – это обширная Олонецкая Карелия со смешанным карельским, вепским и русским населением, а также Карельский перешеек с приближенностью к Петербургу и постепенным распространением двуязычия среди местного населения. В смысле интенсивности контактов некое срединное положение, по мнению автора, занимают территории нынешних финляндских губерний Северная Карелия и Саво, где частично распространено православие; далее идет уже протестантско-лютеранский Запад, где русские влияния ослабевают, они более опосредованы и случайны, но все же оставили след.

В книге П.Хакамиеса много любопытных наблюдений. Русские пословицы усваивались разными способами. Иногда они попросту переводились с русского на карельский, вепский, реже на финский язык, причем в переводах оставались даже некоторые русские слова, чуть измененные по форме и звучанию. Обнаруживаются также следы влияния русского синтаксиса. Автор выделяет три основных синтаксических признака, перенесенных из русских пословиц в карельские, вепские и финские: 1) употребление в обобщенном значении глагола во втором лице единственного числа (типа: как посеешь, так и пожнешь); 2) отсутствие союза в сложных предложениях (типа: семь бед – один ответ); 3) использование безличных инфинитивных предложений (типа: волков бояться – в лес не ходить). Все эти признаки-конструкции довольно часто встречаются в карельских, вепских, ингерманландских пословицах, тогда как в диалектах западной Финляндии их почти

¹ *Hakamies P. Venäläisten sananparsien vaikutus karjalaiseen ja suomalaisen sananparsiin. Joensuu, 1986.*

нет, что позволяет предположить преимущественное русское влияние на ближние регионы. Следующее наблюдение автора касается употребления отрицательной частицы «не» в русских, карельских и финских пословицах. В отличие от русского языка, где отрицательная частица остается неизменной и обычно стоит перед глаголом, в прибалтийско-финских языках (и в большинстве уральских) отрицательная частица сама спрягается по образцу глагола, и потому ее положение в предложении более свободно, что относится и к пословицам. Автор считает, что исходя из позиции отрицательной частицы в синтаксических конструкциях, можно судить о большей или меньшей близости некоторой части карельских и вепсских пословиц к русским пословицам.

*От фольклора к литературе
и профессиональному искусству*

На протяжении многих столетий карельская этнокультура играла нередко посредническую роль между финской и русской культурой. Сначала это происходило в рамках устной традиции и продолжилось затем в форме книжно-литературных контактов.

Решающую роль в этом переломе сыграли публикации Элиаса Лённрота и его современников. Через «Калевалу», «Кантелетар», сборники сказок, заклинаний, пословиц фольклорные богатства Карелии обрели книжную форму, включались в литературный и общекультурный процесс, становились известными образованному миру.

«Калевала» 1835 года имела подзаголовок: «Старинные карельские руны о древних временах финского народа» – подразумевалось не только генетическое родство двух этносов, но и равное их право на общее культурное наследие и его использование в дальнейшем развитии. В финскую национальную культуру вошли элементы карельской культуры, подобно тому как финская нация включила в себя часть карельского этноса.

Известному финскому скульптору Алпо Сайло (1877–1955), многие работы которого посвящены карельским рунопевцам и навеяны «Калевалой», принадлежат следующие, сказанные в 1921 году слова о значении эпоса для финской культуры: «Что возвышало уровень нашего искусства? Что придало самобытное звуча-

ние нашей музыке? Что породило нашу национальную науку? Что пробудило в нас чувство национального достоинства? Что указывает нам путь и ведет нас к культурным победам? – С благоговением и радостью мы отвечаем одним словом: “Калевала”»¹.

Столь всеобъемлюще воспринимаемое влияние «Калевалы» и карельского фольклорного наследия на финскую культуру породило среди ее исследователей особое понятие «культурного карелианизма», весьма употребительное в последние десятилетия. С этим понятием связывают в особенности расцвет финской художественной культуры в ее «ренессансную эпоху» конца XIX – начала XX века, когда творили такие выдающиеся таланты, как художник Аксели Галлен-Каллела (1865–1931), композитор Жан (Янне) Сибелиус (1865–1957), поэт Эйно Лейно (1878–1926). Каждый из этих творческих личностей, как и Алпо Сайло, получил мощные импульсы от «Калевалы», ее поэтики и мифологической символики. Вместе с тем эти крупные таланты привнесли каждый в своей области много нового в художественную культуру эпохи, в связи с чем и содержание понятия «карелианизм» расширяется и не ограничивается лишь прямыми заимствованиями из «Калевалы» и фольклорной традиции. Поэтому не лишена основания высказываемая некоторыми финскими исследователями мысль, что привязанность «карелианистских» культурных влияний исключительно к «Калевале» может не только углублять, но и сужать исследовательский диапазон, особенно при истолковании новейших художественных явлений, так или иначе соотносимых с фольклорно-мифологическими традициями. То, что называется «калевальской культурой» и «калевальской эпохой», может стать застывшим, внеисторическим, чисто иллюзорным понятием вместо того, чтобы охватить и саму лённротовскую «Калевалу», и ее влияние на последующую культуру в исторической многосложности и развитии. Кроме того, при исследовании культурного «карелианизма» обманчиво представление о якобы «единой Карелии», которой в этнокультурно-языковом и государственно-административном отношении не существовало – исторически были отдаленные друг от друга регионы, отдельные диалекты, отдельные локальные куль-

¹ Nieminen M. Kalevala kohtolona. Alpo Sailon runonlaulajat ja toiminta Vienan Karjalassa. Juminkeko, 2001. S. 5.

турные традиции. Словом, Карелия «многолика», как подчеркивают ее финские исследователи¹.

В отношении фольклорных богатств Элиаса Лённрота и других финских собирателей XIX века более всего интересовали российская Беломорская Карелия (Виэна) и входившее тогда в финляндскую автономию Приладожье вместе с Карельским перешейком. С этнокультурной, экономической и социальной точек зрения это были очень разные регионы, что не могло в той или иной мере не осознаваться и теми финскими поэтами, художниками, музыкантами, которые искали непосредственного контакта с карельской народной жизнью и культурой. Те, кто жаждал встречи с наиболее архаическими их формами, совершали паломничества в рунопевческие деревни Виэны – к рубежу XIX–XX веков такие паломничества стали своего рода культовыми, их предпринимали нередко сразу после поездок в Париж и другие культурные центры Европы.

Во многом иная обстановка была на Карельском перешейке, где сказывалось влияние, с одной стороны, Петербурга, с другой – Выборга. Население обоих городов было в этническом и социальном отношении довольно пестрым, наряду с русскими здесь жило немало немцев, шведов (с соответствующими учебными заведениями на немецком и шведском языках); среди гражданских чиновников и военных имелись шведы финляндского происхождения (чаще из дворянского сословия). В Петербурге либо в его окрестностях родились и получили воспитание некоторые финские и шведско-финляндские писатели конца XIX – начала XX века (Арвид Ярнефельт, Бертель Грипенберг, Эдит Сёдергран, братья Генри, Оскар и Ральф Парланды); отдельные из них, например Тито Коллиандер, приняли православие.

На Карельском перешейке еще со времени Петра I складывалось крупное помещичье землевладение на так называемых дарственных землях; позднее возникло немало дачных усадеб петербуржцев, в том числе писателей и художников (Максим Горький, Леонид Андреев, Илья Репин). В 1920-е годы на даче финского писателя Олави Пааволайнена часто встречались члены литературной группы «пламеносцев» (Элина Ваара, Катри Вала, Лаури Вильянен и др.).

¹ *Sihvo H. Vanhoilla urilla. Helsinki, 2002. S. 59.*

Карельское, ортодоксально-православное, восточно-византийское – все это воспринималось финнами и финляндско-шведскими писателями и художниками не столько в прозаической реальности, сколько эстетически как экзотика и загадочная мистика, в отличие от западного прагматизма и реформированного лютеранско-протестантского религиозного сознания. Тито Коллиандера более всего привлекала в православных церковных обрядах их древность, многовековая устойчивость, верность однажды установившимся канонам. Много позднее эстетическую сторону православия подчеркнул и Пентти Саарикоски, левый поэт, к удивлению многих принявший под конец жизни православие и завещавший похоронить себя в Новом Валааме, единственном православном монастыре на территории современной Финляндии.

Всего сегодня в Финляндии около шестидесяти тысяч человек православной веры, и большинство из них считают себя этническими карелами либо их потомками. Карельская этнокультура сохраняет для них особую ценность, они стараются придерживаться ее традиций.

Карельский перешеек вместе с Выборгской губернией вошел в состав России почти на столетие раньше остальной Финляндии, и там местное карельское население контактировало с иными культурными влияниями гораздо чаще, чем, скажем, жители северных рунопевческих деревень Беломорской Карелии. На Карельском перешейке даже крестьянская жизнь была более мобильна, люди чаще уходили на промыслы в Петербург, здесь раньше появилась современная дорожная сеть и первая железная дорога, связывавшая Петербург с Хельсинки, первые школы и первые газеты.

Но в начале XX века, особенно в связи с российскими и финляндскими событиями 1905–1907 годов, кое-что стало меняться и в Беломорской Карелии, в пограничных с автономной Финляндией восточнокарельских деревнях.

Под влиянием первой русской революции также в Финляндии пришли в движение широкие массы города и деревни, в ноябре 1905 года прошла всеобщая политическая стачка, вынудившая царское правительство временно приостановить русификаторскую политику диктатора, направленную на уничтожение финляндской автономии. Отступление и уступки правительства происходили в России и Финляндии параллельно: манифестом от 17 октября 1905 года в России провозглашался конституционный образ правления,

предстояли выборы в Государственную думу; в Финляндии прежний сословный сейм был преобразован в демократический парламент со всеобщим избирательным правом, включая женщин (чего не было ни в России, ни в большинстве западных стран).

Эти двусторонние процессы по обе стороны границы нашли отклик в самых глухих углах, в том числе в деревнях Беломорской Карелии, в соседствующих с ними селениях северного финского округа Кайнуу, хорошо знакомого многим поколениям карелов-коробейников. Одним из последствий традиционной разносной торговли через границу было то, что часть карельских коробейников из Ухты, Вокнаволока и других приграничных деревень осела в Финляндии, некоторые из них открывали там свои лавки, становились купцами, хотя и не порывали родственных связей с прежними земляками. Свои русские имена и фамилии (дававшиеся при православном крещении) они меняли в Финляндии на финские, в той или иной мере созвучные с русскими. Это был опять-таки параллельный процесс – в Финляндии в 1906 году около ста тысяч человек, в большинстве этнических финнов, сменили свои прежние шведско-латинские фамилии на финские.

Осевших в округе Кайнуу карельских коробейников и их потомков было количественно меньше – около трех тысяч¹, но они составляли существенную часть местного населения. Некоторые из карелов-переселенцев получили в Финляндии образование (в частности, в Сортавальской учительской семинарии) и, бывая в родных деревнях, выступили инициаторами этнического пробуждения своих земляков. Перед их глазами был наглядный пример национально-культурного пробуждения в Финляндии, им открылись имена и идеи основных финских «будителей» – Ю.В.Снельмана, Э.Лённрота, Ю.Л.Рунеберга; их самих иногда называют карельскими «снельманами», осознавшими, что карелы нуждаются не только в сохранении традиционной этнокультуры, но также в развитии современного школьного образования на родном языке, в создании карельской письменности, в издании местных газет. Из коренных карелов, проявивших себя тогда в культурной области, заслуживает упоминания Ийво Марттинен (1870–1934), уроженец деревни Кивиярви Вокнаволоцкой волости (в

православных книгах значился как Иван Мартынов). Он стал крупным собирателем карельского фольклора, в Финляндии ему посвящена исследовательская книга, о нем рассказано кратко и на русском языке¹.

Другим деятелем, имевшим отношение к беломорско-карельским событиям начала XX века, был Ийво Хяркёнен (1882–1941), карел из крестьянской семьи прихода Суйстамо, что в пятидесяти километрах от города Сортавала. Проучившись в местной учительской семинарии (сначала на краткосрочных курсах так называемых странствующих учителей для «передвижных» сельских школ, затем с завершением всей семинарской программы в 1906 году), он пробовал себя в разных областях: уже в годы затянувшейся учебы собирал фольклор, работал в разных газетах, писал и публиковал стихи, учительствовал. А когда в том же 1906 году был создан Союз беломорских карелов, Ийво Хяркёнен вошел в состав его руководства и исполнял обязанности секретаря, выпустил для местного населения первую газету. Еще до двух учредительных заседаний новой организации (первое состоялось в апреле в финском городе Оулу, второе в августе 1906 года в Тампере) в вокнаволоцких деревнях проводились митинги жителей в поддержку этой инициативы – стимулом и официальным предложением послужил все тот же царский манифест от 17 октября 1905 года, обещавший конституционный образ правления; предстояло выдвинуть кандидатов в Думу и избирать выборщиков. Однако в Петербурге события развивались слишком стремительно и неожиданно: к моменту августовского учредительного заседания беломорских карелов первая Дума была в июле уже распущена, ее оппозиционные фракции собрались в Выборге для выражения протеста.

Наряду с культурно-просветительными задачами Союз беломорских карелов выдвигал экономические требования: равные для всех права на приобретение земельной собственности, разграничение крестьянских и казенных лесов, отмена таможенных барьеров в торговле местных жителей с Финляндией, строительство дорог, устройство больниц, улучшение почтовой связи.

Осенью 1906 года в Вокнаволоке была открыта первая «передвижная» школа на родном языке, аналогичные школы появились

¹ Setälä V., Sihvo H., Timonen S. Iivo Härkönen, karjalainen heimomies. Joensuu, 1983. S. 11.

¹ Карху Э. Карельский и ингерманландский фольклор. СПб., 1994. С. 70–71; Vuoristo S. Iivo Marttinen – Vuokkiniemen kansanperinteen suurkerääjä. Helsinki, 1992.

вскоре в Ухте и других местах, всего насчитывалось до двухсот учащихся. Учителей из местной молодежи готовили в Сортавальской семинарии, был напечатан специальный букварь для беломорско-карельских школ с учетом местного диалекта. В целях пробуждения интереса к грамоте у взрослых открывались избы-читальни, стала выходить ежемесячная газета «Karjalaisten Rakinoita» («Карельские беседы»), редактируемая Ийво Хяркёном, который тогда учительствовал в селе Салми.

Как уже отмечалось выше, инициатива во всех этих национально-культурных начинаниях исходила преимущественно из Финляндии – либо от тамошних коренных карелов, либо от переселившихся туда беломорских карелов, ознакомившихся с финским национально-культурным движением, с развитием школьного образования на родном языке и просветительской работы среди населения.

Среди тех, кто глубоко сочувствовал тогдашним бедствиям беломорских карелов и жителей пограничного округа Кайнуу, был финский писатель Илмари Кианто (1874–1970), весьма плодовитый автор, посвятивший немало страниц обитателям лесных деревень по обе стороны границы. В одном из лучших своих романов – «Красная черта» (1909)¹ – он описал как раз пробуждение лесной глуши, сокровенные надежды бедствовавших людей на демократические реформы, на всеобщее избирательное право, свободное волеизъявление в преобразованном парламенте – и трагический финал для нищего героя романа, оказавшегося в еще более отчаянном положении после «красной черты» в избирательном бюллетене. Примечательно, что Кианто был сыном лютеранского священника, но с церковью не ладил, обвиняя ее служителей в ханжеской морали и в сговоре с властями. Кианто был первым в Финляндии, кто в порядке общественного протеста и вызова демонстративно отказался от церковного обряда венчания при вступлении в брак. В молодости Кианто, как и Аарвид Ярнефельт, проучился несколько лет в качестве финляндского стипендиата в Московском университете для практического освоения русского языка и знакомства с русской литературой, много путешествовал по России и опубликовал в 1903 году книгу путевых очерков «От берегов озера Кианга к Каспийскому

морю». Кианто стремился через переписку к общению с Львом Толстым, хотя она и не получила такого развития, как переписка Толстого с Арвидом Ярнефельтом. К числу переводов Кианто с русского на финский язык принадлежат стихи Пушкина и Лермонтова, повесть Толстого «Смерть Ивана Ильича», роман «Обломов» И.А.Гончарова, рассказы В.И.Немировича-Данченко, книга С.И.Гусева-Оренбургского «Молодая Россия».

Несколько книг Кианто посвятил Беломорской Карелии, не раз бывал там, однако по мере обострения общественно-политической обстановки его симпатии существенно менялись. Российские события 1917 года и гражданская война 1918 года в Финляндии поставили Кианто, как и десятки финских писателей, перед трудным социально-классовым выбором, в результате чего его прежнее сочувственное бунтарство сменилось служением великофинским идеям и «освободительной миссии» по отношению к восточным карелам.

Но об этом сложном периоде финской истории XX века речь пойдет чуть погодя, а сейчас остановимся на том, как возрастало внимание к русской литературе в Финляндии в начальный период ее автономии.

Первые переводы русской литературы в Финляндии и цензурный запрет 1850 года

По ряду характерных особенностей можно выделить два основных этапа в развитии финско-русских литературных связей XIX века, и неким промежуточным рубежом между ними стали 1850-е годы.

В первой половине XIX века и даже несколько позже доминирующим в финляндской литературе, периодической печати, образовании, науке оставался еще шведский язык. Финских школ вообще еще не существовало, на финском языке писали редкие энтузиасты, первые университетские диссертации на нем были защищены в конце 1850-х годов, и далось это с большим трудом после специального разрешения властей, поскольку цензурным уставом 1850 года издание финских книг, кроме церковных и хозяйственных, запрещалось.

¹ Роман издан в русском переводе в серии «Библиотека финской литературы»: Кианто И. Красная черта. М., 1978.

Господство шведского языка имело сословный характер, финский язык считался пригодным только для низших сословий, для крестьян, простого народа.

К счастью, именно открытие в недрах простого народа богатого фольклорного наследия, с публикацией «Калевалы», «Кантелетар», других фольклорных сборников, составило то главное в художественном и культурно-историческом отношении, что увидело свет на финском языке в первой половине XIX века. Эти издания прежде всего пробудили к себе интерес за пределами Финляндии, в том числе в России.

Нет нужды умалять значение ранних финноязычных поэтов – Я.Ютейни, К.А.Готлунда, А.Поппиуса, С.К.Берга-Каллио; они делали свое дело, каждый из них оставил свой скромный след в очень еще небогатой тогда финской литературной поэзии. Но первым национальным поэтом не без основания был провозглашен в 1840-е годы писавший по-шведски Ю.Л.Рунеберг, и не случайно его стихи до сих пор остаются текстом национального гимна Финляндии.

Задача создания национальной литературы была выдвинута еще в первые десятилетия XIX века, и тогда же стала остро осознаваться необходимость освоения мирового литературного опыта. Для упомянутых финноязычных поэтов важное значение имело наследие европейского Просвещения. В 1810–20-е годы состоялось и первое знакомство финнов (еще через шведскоязычную печать) с немецким и шведским романтизмом. С романтизмом связывалось также имя Пушкина, в 1825 году на шведский язык была переведена его романтическая поэма «Кавказский пленник».

С 1809 года вся Финляндия, а не только Выборгская губерния, входила в состав России, что создавало особые условия для знакомства финнов с русским языком и русской культурой. Правда, в течение первых десятилетий совместного существования (вплоть до 1840-х годов) основным языком общения российского императора и петербургского двора с высшими чинами финляндской администрации оставался еще французский язык, но в учебных заведениях Финляндии, включая университет, было введено преподавание русского языка, литературы и истории. Выходили учебники, готовились преподаватели со знанием и русского, и шведского языков.

Любопытно, например, что в студенческих тетрадях Элиаса Лённрота от 1820-х годов сохранились два переписанных на языке

оригинала стихотворения Пушкина – «Черная шаль» и «Утопленник», а в шведскоязычной туркуской газете он опубликовал свой перевод одного из стихотворений Н.М.Карамзина. Лённрот обладал большим старанием и упорством уже в студенческие годы, его интерес к языкам остался на всю жизнь, что было чрезвычайно важно, в частности, для его обширной словарной работы. В изучении русского языка ему помогал Я.К.Грот, стремившийся в свою очередь овладеть финским языком, в чем ему помогали Лённрот и другие финские знакомые, с которыми он общался в свою бытность профессором Хельсинкского университета (1841–1853). Обоюдный интерес к языкам отразился в длительной личной переписке Лённрота и Грота, об этом они говорили при встречах.

В дополнение к преподаванию русского языка в учебных заведениях Финляндии была введена система финляндских стипендиатов, продолжавших после Хельсинкского университета свое образование в Московском и Петербургском университетах. Это помогло им знакомиться с русской жизнью и культурой, из них получались хорошие преподаватели русской литературы. Среди обучавшихся в русских столицах были выдающиеся люди Финляндии. Из писателей уже упоминались имена Илмари Кианто и Арвида Ярнефельта; назовем еще братьев Эйно и Яло Калима – первый стал крупным театральным режиссером, постановщиком пьес А.П.Чехова в Национальном театре в Хельсинки, на главной сцене страны, а второй – известным языковедом-славистом.

Но упомянутые имена относятся уже к рубежу XIX–XX веков, когда общественно-политическая и культурная атмосфера была совершенно иной, чем в первые десятилетия финляндской автономии. Сравнительно либеральная политика Александра I и сам факт предоставления Финляндии автономии давали повод надеяться, что культурные отношения могут развиваться под правительственной опекой, в русле официальной политики. И несмотря на ужесточение режима при Николае I, запреты газет и цензурные строгости, все же сохранялась какая-то надежда на улучшение взаимоотношений. Налаживались контакты в научной области; начиная с 1820-х годов, в Петербурге работал А.Шёгрэн, будущий крупный финно-угровед и российский академик, оказавший поддержку более молодым ученым, в особенности М.А.Кастрену в организации и финансировании его сибирских экспедиций. С Вольным обществом российской словесности в Петербурге был

связан А.Гиппинг, присутствовавший на его заседаниях, на одном из которых был заслушан доклад о финской литературе. Взаимный культурный интерес с обеих сторон считался вполне естественным, было желание развивать его. Даже в 1846 году, в конце которого последовал запрет на газету Ю.В.Снельмана «Сайма» за ее оппозиционность властям, Фабиан Коллан, редактор газеты «Гельсингфорс Моргонبلاد», считал необходимым подчеркнуть, что путь к взаимопониманию лежит через общение культур. «Для нас, финнов, – писал он, – теперь особенно важна русская культура, и нам следует знакомиться с нею, ибо только зная язык русского народа, его литературу и всю его духовную жизнь, мы сможем по-настоящему понять наших восточных соседей, столь близких теперь к нам, и добиться того, чтобы и они понимали нас; такое взаимопонимание чрезвычайно важно для нас с точки зрения внешних условий нашего существования. Кроме того, культура в целом, в ее высших проявлениях, есть общее достояние всех наций, как ей и надлежит быть»¹.

Такое понимание культурных задач способствовало тому, что в Финляндии стали переводить русских авторов, пока еще на шведский язык. В 1830–40-е годы переводились отдельные стихотворения Пушкина, русские народные песни, отрывок из «Слова о полку Игореве». Наступил и черед прозы, появились переводы «Героя нашего времени» М.Ю.Лермонтова (1844), «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» Н.В.Гоголя (1850), повести Н.Ф.Павлова «Именины» (1850), романа М.Загоскина «Рославлев» (1850). Русская проза переводилась также в Швеции, причем переводчики иногда были из Финляндии, куда попадали и переводы. В Швеции вышли «Капитанская дочка» Пушкина (1841), некоторые повести А.А.Бестужева-Марлинского, а еще раньше романы Ф.Булгарина «Иван Иванович Выжигин» (1830) и «Дмитрий Самозванец» (1838).

В конце 1840-х годов К.А.Готлунд предпринял попытку опубликовать в своей газете несколько произведений русских авторов в переводе на финский язык. Правда, Готлунд издавал свою газету даже не на тогдашнем литературном языке, а на диалекте губернии Саво, отстаивая право диалектного книжного языка. Сам по себе этот факт свидетельствовал о том, что финский литературный язык

находился еще в стадии становления, происходила так называемая «борьба диалектов», не выработались единые языковые нормы. Для перевода Готлунд выбирал такие произведения, которые касались непосредственно финнов и Финляндии, причем этот интерес к тому, что о них писали в России, был у Готлунда особенно ревностным, доходившим до полемики с переводными авторами. В его газете появились переводы очерка В.И.Даля «Чухонцы в Петербурге», повести В.Ф.Одоевского «Южный берег Финляндии в начале XVIII столетия», повести Н.Кукольника «Эрик Сильвановский или завоевание Финляндии во время Петра Первого», отрывков из книги Я.К.Грота «Переезды по Финляндии от Ладожского озера до реки Торнео». С Гротом и Одоевским Готлунд был лично знаком еще с 1840 года, когда отмечалось двухсотлетие Хельсинкского университета с участием почетных гостей из Петербурга, в числе которых были также П.А.Плетнев и В.А.Соллогуб. Внимание Готлунда к произведениям русских авторов было отчасти и данью уважения к ним. Грот упоминает в письмах, что он брал у Готлунда уроки финского языка.

В связи с университетскими юбилейными торжествами и вышедшим затем на шведском и русском языках совместным литературным «Альманахом» некоторые финские исследователи (А.Шауман, В.Сёдерельм, В.А.Коскениemi, А.Анттила и др.) особо отмечают официальную сторону этих событий – они должны были скрепить русско-финляндскую дружбу и направить ее по санкционированному правительством пути. И поскольку попытка правительственной опеки оказалась вскоре иллюзией и ничего подобного в последующие десятилетия уже не повторилось, то из этого исследователями делался вывод, будто причина заключалась не в правительственной политике, цензурных ограничениях и запретах, а в коренном различии культур, в принципиальной их несовместимости: дескать, Россия – это Азия и Восток, а Финляндия с ее унаследованными от Швеции традициями – это все-таки Запад. В.Сёдерельм, в частности, утверждал без обиняков: «У нас очень скоро поняли, что в смысле культуры Россия могла дать нам совсем немного». Пораженный этим утверждением профессора литературы в 1906 году, когда Толстой, Достоевский и многие другие писатели пользовались мировой известностью и переводились в Финляндии, Йоханнес Салминен объясняет подобную

¹ Schauman A. Kuudelta vuosikymmeneltä Suomessa. Jyväskylä, 1924. Osa I. S. 267.

крайнюю тенденциозность осложнением тогдашних российско-финляндских политических отношений¹.

Конечно, многие финские писатели не признавали этой мнимой культурной «несовместимости» и воспринимали русскую литературу как неотъемлемую часть мирового культурного наследия. Но потребовалось еще много десятилетий, прежде чем академическое финское литературоведение стало осознавать ошибочность одностороннего подхода к этому наследию. В книге, посвященной финско-русским литературным контактам периода реализма, А.Сараяс заявила в 1968 году: «Только осознав плодотворность перекрестного влияния русских и западных традиций на финскую литературу, можно избежать ошибок при ее изучении»².

В книге А.Сараяс речь идет о финско-русских литературных контактах последней четверти XIX – начала XX века, то есть предполагается, что они не ограничились 1840-ми годами, что наступил лишь временный спад, после чего они вновь развивались, но в ином русле. Спад показал, что контакты уже не могли успешно развиваться под правительственной опекой, что следовало отказаться от иллюзий и искать иные пути взаимного сближения в обход правительственных намерений и зачастую вопреки им.

На общественную атмосферу в Финляндии, как и на поведение властей в последние годы царствования Николая I, существенно повлияли европейские революции 1848 года. Среди студенчества наблюдалось брожение умов, часть оппозиционно настроенных молодых людей вынуждена была покинуть страну и уехать в Швецию, там образовалась финляндская политическая эмиграция, с которой потом попытались установить контакт А.И.Герцен, Н.П.Огарев и М.А.Бакунин.

Власти ответили репрессиями. Наряду с запретом ряда газет и ограничением членства в Обществе финской литературы самым пагубным ударом для культуры стал варварский цензурный устав 1850 года, запрещавший печатать на финском языке все, кроме церковных и чисто хозяйственных книг.

Это было воспринято как вызов режима, и ответная реакция не заставила себя ждать. Временно прекратились переводы русской

литературы как на финский, так и на шведский языки. Недовольство студентов и хельсинкского окружения почувствовал и Я.Крот как профессор русского языка и литературы. Он понимал, что принудительные меры правительства, когда обучение русскому языку было обязательным, а финские издания запрещались, вели в тупик. «Надо бы от правительства услышать искреннее объяснение, чего оно хочет, – писал он П.А.Плетневу. – Если хочет все обрусить – не достигнет цели; если хочет сохранить (в Финляндии) права и законы прежние, то к чему всем знать по-русски? Пусть бы при вступлении в университет от всякого зависело, держать или не держать экзамен в русском»¹. Для Грота все кончилось тем, что у него крайне осложнились отношения со студентами, и в 1853 году он решил покинуть Хельсинки после двенадцати лет преподавательской работы. Но он успел много сделать и как профессор, и как активный посредник между русской и финской культурой.

Таким образом, становилось ясным, что культурные связи не могли развиваться в жестких рамках правительственной политики. Оставалось надеяться, что в самой России под воздействием внутренних сил и мировых событий произойдут какие-то изменения, способные облегчить положение маленькой Финляндии. В 1837 году девятнадцатилетний С.Топелиус, тогда еще студент, но остро чувствующий гнетущую атмосферу николаевского режима и предававшийся романтическим мечтам о будущих судьбах родины, оставил в своем дневнике следующую запись: «У нас все же есть еще союзник в великой борьбе за духовную жизнь или смерть – это нарастающая сила юного времени. Она духовна по своей природе, это величественный дух, объемлющий народы и подвигающий их вперед по пути просвещения. Со временем эта сила проникнет и в Россию, чтобы оружием, более мощным, чем у нас, финнов, сражаться за торжество правды над окутавшим мир мраком. И если мы выстоим до той поры, значит мы спасены, и тогда Финляндия одержит прекраснейшую победу из всех когда-либо одержанных ею побед»².

¹ *Salminen J. Rajamaa. Esseitä. Helsinki, 1984. S. 22.*

² *Sarajas A. Tunnuskuvia. Suomen ja Venäjän kirjallisen realismin kosketuksia. Helsinki, 1968. S. 158.*

¹ Переписка Я.К.Грота с П.А.Плетневым. СПб., 1896. Т. 2. С. 926.

² *Vasenius V.Z. Topelius, hans liv och skaldedärning. Stockholm, 1918. T. 3. S. 140.*

Частичным воплощением подобных надежд стала некоторая либерализация финляндской жизни при Александре II, и это сказалось на развитии культурных связей. Стал созываться сейм, утратил силу цензурный устав 1850 года, правительством было дано в 1863 году обещание в течение двадцати лет постепенно уравнивать в правах финский язык со шведским, допустить его в административную и общественно-культурную жизнь, создать сеть школ на родном языке.

Возникли новые, более современные газеты и первый на финском языке литературный журнал – «Кирияллинен куукаусলেখти» (1866–1880), печатавший также некоторые переводы русской литературы. Следует сказать, что в отличие от русской литературной журналистики в Финляндии никогда не было, как нет и сейчас, так называемых «толстых журналов» по несколько сот страниц убористого текста в одном номере. И вообще количество литературных журналов в маленькой стране невелико, поэтому в освещении литературно-культурной жизни значительную роль традиционно играли и продолжают играть газеты. В XIX веке, особенно в первой половине, даже шведскоязычные газеты были еще малоформатными, выходили не ежедневно, однако в них могли печататься большие романы в течение месяцев и даже нескольких лет. В настоящее время романы в газетах не печатаются, но каждая крупная ежедневная газета имеет специальную полосу, а то и несколько полос, для освещения культурной жизни.

Первым русским писателем, с творчеством которого финны познакомились в 1860-е годы, после временного спада в переводческом деле, был И.С. Тургенев, тогда уже широко известный в Европе. О нем финны могли узнать не только из русских, но и французских, немецких, шведских источников. Существенным было то, что из романов, повестей, рассказов Тургенева финны получали представление о многих сторонах жизни современной России, о положении ее народа, о взаимоотношениях крестьян и помещиков, о «русском нигилизме» и тех молодых силах, которые в идейных спорах с «отцами» обсуждали острейшие социальные вопросы и стремились изменить общество, улучшить положение народа. Распространенным тогда стало выражение «молодая Россия», усвоен-

ное вскоре и финнами. А в 1880-е годы само финское национально-культурное движение разделилось на «младофиннов» и «старофиннов», литературный ежегодник назывался «Молодая Финляндия».

Финнам, начиная с 1860-х годов, стала открываться многообразие русской жизни, наличие в ней разных идейных направлений, в том числе неодинаковое отношение к автономии Финляндии, к ее национально-культурному развитию. Против панславистско-русификаторских выпадов «Московских ведомостей» М.Н.Каткова финны искали защиты у либеральной русской печати, сочувственно относившейся к конституционному началу в финляндском административном устройстве, к работе сейма с участием представителей крестьянского сословия, к первым шагам в развитии народного образования на родном языке.

В 1863 году в газете «Гельсингфорс Тиднингар» появилась тургеневская повесть «Фауст» в шведском переводе, затем в других шведскоязычных газетах были напечатаны романы «Дым» (1868) и «Новь» (1877). Печатались рассказы Тургенева, в том числе из «Записок охотника». Кроме того, в Финляндию поступали издания Тургенева из Швеции, среди них вышедшие в конце 1870-х годов переводы романов «Рудин» и «Отцы и дети».

Примерно тогда же, начиная с 1870-х годов, русскую литературу стали переводить и на финский язык, и это было новым явлением, учитывая, что к тому времени финский литературный язык достиг более зрелой ступени развития, несравнимой с теми первыми опытами перевода с русского, который в 1840-е годы появились в газете К.А.Готлунда. К началу 1870-х годов литература на финском языке уже обогатилась разносторонним творчеством Алексиса Киви (1834–1872), крупнейшего классика, по праву считающегося родоначальником новой национальной литературы. Для финнов имя Киви столь же свято, как и имя Лённрота, – оба они заложили самые устойчивые краеугольные камни под здание национальной культуры.

Одним из первых талантливых переводчиков русской литературы на финский язык был К.С.Суомалайнен (1850–1907), родившийся в Петербурге в семье золотых дел мастера, там же получивший начальное образование и впоследствии окончивший Хельсинкский университет. Он писал рассказы и очерки, в том числе о русской жизни. В журнале «Кирияллинен куукаусলেখти» появились его

переводы (но без указания переводчика) рассказы Тургенева «Певцы» (1872) и рассказа «Коляска» Гоголя (1877). В 1882 году вышли отдельным изданием «Мертвые души» в его переводе, признанном образцовым и отмеченном премией Общества финской литературы. Суомалайнену принадлежат также переводы «Тараса Бульбы» (1878) и пушкинской «Капитанской дочки» (1876).

В 1878 году Суомалайнен опубликовал два выпуска очерков о России, примечательных не только знанием русской жизни и истории, но и доброжелательным и сочувственным отношением к русскому народу. Следует учесть, что те финские исследователи-языковеды и этнографы, которые совершали далекие экспедиционные поездки в глубь России к финно-угорским народам, сталкивались в пути не только с привлекательными, но нередко и с малопривлекательными сторонами действительности – нищетой народа, взяточничеством чиновников, запущенностью постоялых дворов и русским бездорожьем. Подчас все это освещалось в односторонне-тенденциозном плане с поспешными обобщениями о стране и ее культуре в целом, как, например, в путевых очерках А.Алквиста о России (1859), вышедших двадцатилетием ранее очерков Суомалайнена. Суомалайнен описывал и русские города, роскошь дворцов и соборов, но больше его привлекала сельская Россия, быт и нравы русских, украинских, белорусских крестьян. Суомалайнен, неплохо зная русскую литературу, сознавал ее обличительный характер, но все же ожидал от искусства нравственного оптимизма, обязательной победы добра над злом. Касаясь в одной из своих рецензий модного тогда понятия «русский нигилизм», он не одобрял самого направления и считал «Отцов и детей» Тургенева антинигилистическим романом. Очерки Суомалайнена были замечены тогдашней финской критикой, в заслугу ему ставилось то, что он описал Россию не поверхностно, а изнутри, проникнув в сердце русского народа.

Как известно, в последние десятилетия XIX века Европа открыла для себя русский реализм, творчество крупнейших русских романистов, в их числе Толстого и Достоевского. Во многом именно через Европу финны осознали мировое значение русского реализма. Но при этом подчеркивалась его глубокая национальная самобытность, его «русскость», ни на что другое не похожая. Если одаренность Тургенева, много жившего на Западе и ставшего там известным раньше других, подчас объяснялась в критике западными же влияниями, то о Толстом и Достоевском писали как об истинно русских

гениях-исполинах, удививших мир своей глубокой национальной оригинальностью. В одном из обзоров русской литературы Толстой сравнивался с былинным богатырем Ильей Муромцем, воспрянувшим из долгого сна и расправившем могучие плечи, – это был символ культурного самоутверждения России, ее собственного, сугубо самобытного вклада в мировую культуру.

Реализмом Толстого, глубиной его психологизма особенно восхищался молодой Юхани Ахо (1861–1921), один из пионеров реалистического направления в финской литературе. В 1887 году он писал о Толстом: «Величайшей его заслугой является изображение тайны тайн человеческой души. Если другие писатели, например, Золя, описывают больше видимые на поверхности проявления душевной жизни, то Толстой проникает в самые сокровенные глубины чувств. Похоже, его глаз вооружен увеличительным стеклом и различает тончайшие нити и сплетения там, где обычному взору открывается лишь гладкое полотно»¹. Ахо писал это в связи с появлением финского перевода «Севастопольских рассказов» Толстого, убежденный, что после всех критических споров об идейно-художественных принципах реализма, малопонятных широкому читателю, искусство Толстого лучше всего демонстрирует силу реализма, его стремления к правде жизни.

Для краткости ограничимся перечислением основных финских переводов русской литературы, опубликованных в 1880–1890-е годы, в дополнение к тем, которые уже упоминались: «Пиковая дама» (1883) и «Дубровский» (1895) Пушкина; «Герой нашего времени» (1882) Лермонтова; «Ревизор» (1882), «Шинель» и «Нос» (1883) Гоголя; «Записки охотника» (1881), повести «Три встречи» и «Ася» (1882), романы «Накануне» (1883), «Дворянское гнездо» (1999), «Отцы и дети» (1892) Тургенева; «Обыкновенная история» (1889) Гончарова; «Кавказский пленник» (1887), первая часть «Войны и мира» (1895), «Воскресение» (1900) Толстого; «Преступление и наказание» (1888–1889), «Записки из Мертвого дома» (1888) Достоевского.

В репертуар Финского театра в Хельсинки постепенно входила русская драматургия: «Женитьба» (1882) и «Ревизор» (1887) Гоголя; «Не в свои сани не садись» (1890) и «Гроза» (1892)

¹ Savo-lehti. 1887. № 139.

А.Н.Островского; «Власть тьмы» (1896) Толстого; «Месяц в деревне» (1896) Тургенева.

Напомним, что Финский театр возник в 1872 году как музыкально-драматический, и естественно, что в его репертуар входила нарождавшаяся национально-финская драматургия, в том числе пьесы Алексиса Киви. Театр совершал гастрольные поездки в другие финские города, а также в Петербург, где его зрителями были местные финны и окрестное ингерманландское население.

В Хельсинки существовал также Русский театр, возникший даже раньше Финского. Начиная с 1827 года в Хельсинки имелся шведский театр «Аркадия» с приглашаемыми из Швеции труппами, который в 1860 году обзавелся собственной постоянной труппой и новым зданием, после чего он стал называться «Новым театром». В 1868 году был опубликован «Устав» Русского театра, и, видимо, тогда же он начал действовать. Некоторое время Русский и Финский театры пользовались попеременно одним и тем же зданием «Аркадии», пока для Русского театра не было построено собственное здание. Это был тоже музыкально-драматический театр, причем драмы давались на русском языке, музыкальные спектакли – на языке оригинала. Преимущественную часть его русских зрителей могли составлять военные, чиновники из канцелярии генерал-губернатора, преподаватели и учащиеся русских учебных заведений, прочие хельсинкские жители из тех, которым был доступен русский язык.

Последние десятилетия XIX и начало XX века примечательны еще и тем, что финская литература стала переводиться на русский язык и издаваться в России. Еще в начале 1880-х годов в русской печати стали говорить о литературе на финском языке как состоявшемся и развивающемся национальном явлении. О финской литературе писал в своих статьях для русских изданий К.И.Якубов, преподаватель русской гимназии в Хельсинки. Раздел о финской литературе содержался в четвертом томе «Истории всемирной литературы» В.Зотова (1882)¹.

Переводы из финской литературы печатались во многих журналах: «Русское богатство», «Вестник иностранной литературы», «Нива», «Мир Божий», «Русский вестник» и др. Это были главным образом рассказы – Ю.Ахо, М.Кант, П.Пяйаярнта, С.Алкио,

С.Ивало. Отдельными изданиями вышли романы Ю.Ахо «Дочь пастора» и «Жена пастора» (с предисловием известного датского критика Г.Брандеса, 1895), повести «Отверженный миром» (1896) и «Одинокий» (1908), сборник рассказов, которые Ахо именовал «стружками» (1901); романы А.Ярнефельта «Отечество» (1894) и «Дети матери земли» (1906), повесть «Три судьбы» (1904). Переводились также финляндско-шведские писатели – Ю.Л.Рунеберг, С.Топелиус, Ю.Вексель, К.А.Тавастшерна, Я.Аренберг.

В 1898 году Н.Нович (псевдоним Н.Н.Бахтина) издал антологию «Поэты Финляндии и Эстляндии», а в 1917 году вышел более объемный «Сборник финляндской литературы» под редакцией М.Горького и В.Брюсова. Сборник был подготовлен общими усилиями вместе с финнами и успел выйти еще до событий октября 1917 года в России и до гражданской войны 1918 года в Финляндии, в корне изменивших всю общественно-политическую ситуацию в обеих странах и их взаимоотношения между собой. После тенденции к сближению наступила полоса резкого отчуждения, которая по своей жесткости чем-то напоминала спешно переоборудованную государственную границу с проволочными ограждениями, оборонительными сооружениями и контрольной полосой взрыленной земли, которую никто не смел перейти.

Эта новая ситуация была контрастна началу XX века, хотя напряженность уже тогда нарастала в связи с намерением царского правительства покончить с автономией Финляндии и превратить ее в обычную российскую губернию.

Но тогда, в начале XX века, лучшие культурные силы обеих стран еще не были окончательно разобщены, – напротив, возникла острая потребность взаимопонимания, чтобы объединиться в совместной борьбе против произвола и реакции. Это создавало особую атмосферу готовности к контактам. Из Финляндии в Россию посылались доверенные лица для переговоров с оппозиционными силами и выдающимися деятелями культуры, чтобы они выступили в защиту Финляндии и ее сопротивляющегося народа, а финны со своей стороны были готовы помочь тем русским, кого преследовала самодержавная власть. С этой целью устанавливались контакты, в частности, с Л.Н.Толстым и А.М.Горьким, писателями с мировой известностью, чье авторитетное слово было особенно весомо.

¹ Зотов В. История всемирной литературы. СПб., 1882. Т. 4. С. 771–784.

Ограничимся краткой ссылкой на встречу Горького с финской культурной общественностью в феврале 1906 года¹. Горький и до этого бывал в Хельсинки, где в Национальном театре ставились его пьесы. Кроме того, у него была дача в Куоккале на Карельском перешейке, где в июле 1905 года состоялась встреча русских и финских писателей и художников на предмет издания совместного сатирического журнала (с присутствием Л.Андреева, В.А.Серова, И.Э.Грабаря, Аксели Галлен-Каллела, Эро Ярнефельта). Приезд Горького в Хельсинки в феврале 1906 года имел наряду с культурными контактами еще дополнительную цель: сбор денежных средств на нужды русской революции. И такое тогда было возможно – финские интеллигенты охотно помогали ему. Вернее сказать, у Горького были две встречи – одна с интеллигенцией в Национальном театре, другая с финскими рабочими, организованная социал-демократическим объединением. Это свидетельствовало о политической разделенности финского общества, но та и другая встречи прошли восторженно, Горькому оказывались всевозможные почести, его тщательно оберегали от возможного ареста царскими жандармами, причем охраняли его опять-таки обе стороны – и вооруженные «активисты» из числа интеллигентов, и рабочая Красная гвардия под командованием Иоганна Кока.

Состоявшийся в Национальном театре с участием Горького литературно-музыкальный вечер описывался в газете «Хельсингин саномат» от 2 февраля 1906 года как встреча двух культур. Симфоническим оркестром дирижировал финский композитор Роберт Каянус, исполнялась музыка Римского-Корсакова, Чайковского, Глазунова, Сибелиуса; стихи читали Э.Лейно (стихотворение «Москва»), С.Скиталец, М.Ф.Андреева и в заключение Горький прочитал свой рассказ «Товарищ», русский, финский, шведский текст которого был предварительно роздан публике в виде брошюры. Ощущалась взволнованность переполненного зала, Горького долго не отпускали со сцены, и он сам был глубоко взволнован. Еще большее впечатление произвела встреча с рабочей аудиторией. Если в Национальном театре оркестр исполнил «Марсельезу», то здесь пели «Интернационал» и популярный в Финляндии «Рабочий марш».

¹ Подробнее о связях Горького с Финляндией см.: Карху Э.Г. Очерки финской литературы начала XX века. Л., 1972. С. 111–155.

Об этих двух встречах в Хельсинки Горький писал тогда же Е.П.Пешковой: «Впечатление потрясающее. Масса людей плакали. <...> Все было – как в сказке, и вся страна, точно древняя сказка, – сильная, красивая, изумительно оригинальная».

Это был взрыв обоюдного энтузиазма, которого хватило еще до февральских событий 1917 года в России, встреченных в Финляндии с надеждой и радостью, но последующие потрясения обернулись резким похолоданием – теперь уже не русско-финских, а советско-финляндских межгосударственных отношений, в том числе культурных.

*Период идеологической конфронтации
и культурного изоляционизма (1917–1944 гг.)*

Указанный период был отмечен, помимо прочих противостояний, также военными конфликтами, от которых Финляндия за предшествующие сто лет автономии успела в какой-то степени уже отвыкнуть, лишь изредка вспоминая о прошлых русско-шведских войнах, опустошавших и ее территорию.

Сразу же после обретения Финляндией государственной независимости в декабре 1917 года вспыхнула внутренняя гражданская война, раны от которой долго и болезненно отзывались в финском обществе, а затем последовали еще две советско-финляндские войны 1939–1940 и 1941–1944 годов.

На этом фоне острых социально-классовых и межгосударственных столкновений складывались в указанный период доминировавшие стереотипы мышления и идеологической конфронтации.

Весьма характерным для финской исторической науки, массовой литературы и всей пропаганды тех лет стало упорное непризнание того факта, что гражданская война 1918 года была именно гражданской, а не «освободительной» войной, – разумеется, «освободительной» от русских, хотя акт о независимости Финляндии был подписан Советским правительством.

Пропагандисты «освободительной» войны ссылались, в частности, на то, что в 1918 году на стороне финских красногвардейцев сражалось некоторое количество оставшихся в Финляндии солдат российских гарнизонов – их численность исследователи определяют очень по-разному, от одной тысячи до десяти тысяч чело-

век. Но этим аргументация не ограничивалась: утверждалось, что и сами финские красногвардейцы были всего лишь проводниками политики русского большевизма, разносчиками занесенной извне болезни, а вовсе не порождением социально-классовых противоречий финского общества.

Это вело к тому, что классовая ненависть к восставшим в собственной стране распространялась также на русских, превращаясь в этническую, расовую ненависть.

Современные финские исследователи демократического направления считают, что пик русофобии пришелся на 1917–1923 годы. Сегодня об этом периоде пропагандировавшейся национальной ненависти накопилось немало исследований, авторы подчас сами удивляются, как такое было возможно, особенно если учесть, что шовинистическая злоба в крайних ее формах, преподносившаяся как «национальная идеология», разжигалась не кем-нибудь, а интеллигентскими кругами, что подчеркивалось уже в названиях создававшихся милитаристских организаций.

В 1922 году в университетской среде возникло «Академическое карельское общество» с двумястами членов, а к началу 1930-х годов их стало уже более тысячи. Карельским оно называлось в основном потому, что его практической целью провозглашалось присоединение российской Карелии к Финляндии. В общество вошли прежние «активисты» из интеллигентской среды, студенты, кое-кто из профессоров и будущих академиков; оно отличалось крайней воинственностью и сыграло немалую роль в пропаганде милитаристских великофинских идей. Внутри организации существовало полусекретное и полузаговорщическое ядро под названием «Братья по ненависти» со своим ритуалом и знаменем черного цвета, под которым «братья» давали «клятву ненависти» к русским и ко всему русскому. Были и другие родственные по духу милитаристские организации со своими органами печати: «Шюцкоровское объединение», «Народно-патриотический союз», женская организация «Лотта Свард» (по имени героини патриотической баллады Ю.Л.Рунеберга).

В пик русофобии все внутрифинляндские общественно-политические проблемы перекрашивались в расово-этнические цвета, во всем был виноват «извечный враг», представлявший постоянную угрозу для финнов, для Европы, для всей западной цивилизации, и на ее защиту самой судьбой была определена Фин-

ляндия как форпост у самой границы с Востоком. Самые рьяные русофобы-дальтоники даже не проводили особого различия между «красными» и «белыми», большевиками и русскими монархистами – достаточно было этнического признака. Они предлагали вообще очистить Финляндию от всех русских, в особенности из пограничных с СССР районов, где они якобы разлагали местное финское население. К сожалению, и в СССР тогда предпринималось нечто аналогичное, причем не только в замыслах, но и в реальности: из пограничных с Финляндией районов выселялось коренное финское население.

Поскольку в «Академическое карельское общество» входила в основном интеллигенция, в пропагандистских целях использовалась и культура. Из классической русской литературы выхватывались в русофобском истолковании какие-то эпизоды, характерные образы и явления – «обломовщина», барское краснобайство «лишних людей», «русский нигилизм», загадочность «русской души», и на всем этом тенденциозно спекулировали, пытались доказать чуждость русской культуры Западу. Зато превозносилось германофильство, сильные волевые качества, энергия и деловитость германской расы. В бульварной прессе осуждались смешанные браки финнов с русскими, а на шюцкоровских стрельбищах выставлялись мишени с изображением заросшего бородой и неопрятного русского мужика. Считалось, что своей ненавистью к России, отставшей от Европы якобы на целых пятьсот лет, русофобы служат интересам остального человечества.

Современные финские исследователи вновь и вновь возвращаются к этим прискорбным явлениям прошлых лет. Причем если в 20–30-е годы разжигаемую русофобию отваживалась осуждать в основном только леворадикальная печать, то теперь эти явления стали предметом университетских диссертаций и сама оценочная терминология звучит более определенно: расизм называется расизмом, ксенофобия ксенофобией, фашистские тенденции соответственно.

Подчеркивается, в частности, что у тогдашних русофобов и пропагандистов «вечной ненависти» была слишком короткая историческая память. В период финляндской автономии, в течение одного столетия с небольшим (1809–1917), очень многие финляндцы, в том числе финляндские шведы, причислявшие себя к германской расе, довольно хорошо уживались с русскими и сами

стремились на русскую службу, к общению с верхними слоями русского общества. Подсчитано, например, что на офицерских должностях в русской армии за весь период автономии служило свыше трех тысяч финляндцев, из них триста человек достигли генеральских и 67 человек адмиральских чинов¹. В середине XIX века каждый пятый финляндский дворянин (почти исключительно этнические шведы) служил офицером в России².

Из адмиралов финляндского происхождения известность получил Ю.Х.Фуруельм (1821–1903), не только мореплаватель, но и администратор, один из последних российских губернаторов Аляски (еще до ее продажи в 1867 году Америке), затем совершивший в должности дальневосточного военного губернатора плавание в Японию и на Филиппины, встречавшийся с экспедицией адмирала Е.В.Путятина, у которого секретарем на корабле служил не кто-нибудь, а писатель И.А.Гончаров, чья книга «Фрегат Паллада» с дарственной надписью автора сохранилась в библиотеке Ю.Х.Фуруельма.

Карлу Густаву Маннергейму (1867–1951), молодому офицеру-кавалергарду царской свиты при коронации Николая II, затем генерал-лейтенанту российской армии, позднее финляндскому маршалу и кратковременному послевоенному президенту Финляндии (с августа 1944 г. по март 1946 г.), финский критик-эссеист Йоханнес Салминен посвятил любопытную статью «Русский Маннергейм», остановившись преимущественно на русском периоде его карьеры³. Статья написана не без иронии, в том числе по поводу резко изменившегося отношения к Маннергейму в современной постперестроечной России. По своим убеждениям Салминен не принадлежит к леворадикалам, он рекомендует себя как трезвый демократ и гуманист, что проявляется и в его уравновешенных суждениях о Маннергейме и финско-русских отношениях в прошлом и настоящем. О восторженных оценках Маннергейма некоторыми современными русскими публицистами он пишет с полным пониманием причины восторгов: «Не следует особо удивляться тому, что та новая Россия, которая возникла на развалинах

коммунизма, весьма поспешно принялась открывать для себя Маннергейма. После того как двуглавый орел вновь вернулся в российскую символику, вдруг нашлось свободное местечко и для образцового царского офицера. А финн он или не финн, все равно ему положены почести как верному слуге империи».

В статье подчеркивается, что Карл Густав Маннергейм родился в довольно либеральной финляндско-шведской семье, которая не одобряла его поступления на царскую службу, несмотря на его успешную карьеру. Любопытно, что в период «бобриковского диктатора» на рубеже XIX–XX веков его старший по возрасту родной брат Карл Роберт принадлежал к «активистам» и был выслан царскими властями из страны и находился вместе с другими изгнанниками в шведской эмиграции. В статье упоминается и о том, что во время краткого пребывания Ленина в Стокгольме по пути из Финляндии в Швейцарию Карл Роберт Маннергейм был даже его связным. (Такое случилось: проводником-охранником Горького при его тайном выезде из Финляндии в Стокгольм и дальше в Берлин был поэт Бертель Грипенберг, рассказавший потом об этом в воспоминаниях). Примечательно, что финские биографы маршала Маннергейма стараются о его брате вообще не распространяться, считая это излишним; не упоминает о брате и сам маршал в своих мемуарах. Но на его военной карьере петербургского периода это никак не отразилось, он пользовался доверием петербургского двора, ему давались весьма ответственные поручения.

По мнению Салминена, Маннергейм проявил себя истинным царедворцем, с Петербургом были связаны лучшие воспоминания его жизни, там открывалось, как ему казалось, куда больше возможностей для продвижения по службе, чем в маленькой Финляндии, куда он был вынужден после 1917 года вернуться. Совсем другим был масштаб страны, отсутствовал аристократизм, преобладало нечто плебейско-крестьянское, этнически даже чуждое, поскольку по-фински Маннергейм, по выражению Салминена, говорил «постыдно плохо» и никогда языка толком так и не освоил. Не все устраивало его и в политическом отношении: завоеванное финским народом всеобщее избирательное право казалось ему «верхом неразумия». Поставленный во время гражданской войны 1918 года во главе спешно созданной финской армии, состоявшей большей частью из имущих крестьян-собственников, Маннергейм предпочитал окружить себя штабными офицерами, прошедшими, как и он сам, через

¹ *Salminen J.* Sininen kivi. Muistiinmerkitöjä idästä ja lännestä. Helsinki, 1994. S. 82.

² *Karema O.* Vihollisia, vainojia, syöpäläisiä. Venäläisviha Suomessa 1917–1923. Helsinki, 1998. S. 24.

³ *Salminen J.* Op. cit. 119–132.

русскую службу. После подавления финляндской революции Маннергейм предлагал сенату послать войска на помощь русским генералам и вмешаться в гражданскую войну в России, но с этим не согласились даже самые правые члены сената, ибо русские генералы вовсе не обещали в случае победы сохранить независимость Финляндии. Маннергейм все же считал, что ненавидеть следовало большевизм, а не имперскую Россию, тогда как в сенате настаивали на том, что любая Россия, красная или белая, представляла и будет представлять угрозу для Финляндии.

С точки зрения собственно финской истории Салминен не отрицает заслуг Маннергейма как военного руководителя и защитника страны, особенно в период зимней войны 1939–1940 годов. Но идеализировать национальную историю и ее деятелей, как и чернить безоговорочно противную сторону вместе с большевистскими вождями, автор статьи не склонен.

Как главнокомандующему вооруженными силами Финляндии, Маннергейму полагалось осуществлять великофинские идеи на деле. Еще в феврале 1918 года он в особом приказе поклялся перед армией не вкладывать меч в ножны, пока Беломорская Карелия не будет завоевана, и это предвещало вероятность межгосударственных военных конфликтов в будущем. Сама неизбежность этих конфликтов пропагандистски мистифицировалась, это было нечто фатальное, ниспосланное свыше; Карельская земля именовалась священной, и война за нее тоже предстояла «священная» – крестовый поход к «единокровным братьям». Карелия тоже мыслилась как пограничный «форпост» в борьбе Запада против Востока.

Этот агрессивный интерес к Карелии современные исследователи называют пропагандистско-милитаристическим «карелианизмом» в отличие от культурного карелианизма, культурного интереса к Карелии, ведущего свое начало еще от Элиаса Лённрота и получившего новое развитие после Второй мировой войны.

Период 1920–1930-х годов в связи с напряженностью советско-финляндских межгосударственных отношений и острого идеологического противостояния был едва ли не самым трудным в истории культурных контактов. Многие их формы, которые в XIX – начале XX века успели стать привычными, после 1917 года были уже невозможны. Финские фольклористы, языковеды, этнографы уже не могли приезжать в Карелию для собирания научных материалов; для финских исследователей были закрыты советские ар-

хивы с касающимися Финляндии фондами; редкостью стали взаимные переводы художественной литературы, равно как и взаимный книгообмен, не говоря уже о личных встречах писателей, ученых, культурных деятелей, о совместных форумах и изданиях.

В учебных заведениях независимой Финляндии уже не преподавались русский язык и литература, соответствующая кафедра в Хельсинкском университете была закрыта, как и местный Русский театр. В школьной системе исключение составляли только несколько русских гимназий (в Хельсинки и Выборге) для детей из русских семей.

Не в лучшую сторону менялась национальная политика и в СССР, хотя в ином темпе и иными методами. Переломным стал 1937 год, когда в Карелии и Ингерманландии были закрыты финские школы, причем в Ингерманландии они больше уже не восстанавливались, что означало и утрату учительских кадров. В сталинских лагерях погибли тысячи людей, в том числе представителей интеллигенции.

Была еще одна общая для обеих стран особенность, характеризующая ту эпоху вражды и недоверия. Кроме постоянного, более или менее оседлого русского населения в Финляндии и постоянно ингерманландско-финского населения в СССР, появилось еще значительное количество беженцев-эмигрантов: в Финляндию люди бежали от российских событий, а в СССР искали убежища «красные финны» после поражения финляндской революции 1918 года. О роли «красных финнов» в карельской культуре в данной книге будет особая статья, а о беженцах из России и их жизни в Финляндии в период 1917–1939 годов недавно вышла книга финского исследователя П.Невалайнена¹.

В книге сообщается, что в начале 1920-х годов в Финляндии скопилось около 33 000 беженцев из России – это было наибольшее их количество; потом часть из них переехала в другие европейские страны, часть вернулась на родину (по условиям Тартуского советско-финляндского мирного договора 1920 года возвратившимся беженцам обещалась амнистия). В середине 1930-х годов беженцев из России оставалось свыше 14 000, в том числе русских, карелов, финнов-ингерманландцев.

¹ Nevalainen P. Viskoi kuin Luoja kerjäläistä. Venäjän pakolaiset Suomessa 1917–1939. Helsinki, 1999.

Им жилось нелегко, они не имели финляндского гражданства, им было сложно трудоустроиться, на них смотрели косо даже финские рабочие, боявшиеся потерять работу из-за избытка рабочей силы. Атмосфера русофобии была еще так агрессивно выражена, что и «единокровные братья» – карелы с ингерманландцами – расценивались как «чужаки». Из описания автора следует, что если карелы и ингерманландские финны были на своей родине почти исключительно из крестьянской среды, то этнические русские беженцы являлись преимущественно жителями крупных русских городов, в основном Петербурга и Москвы; это были интеллигенты, коммерсанты, чиновный люд – ведь только на Карельском перешейке, по оценке автора, около ста тысяч петербуржцев проводили свой дачный сезон, причем многие имели там собственные дома.

Социальные различия сказывались на образе жизни беженцев в Финляндии, на их культурных интересах. Русские беженцы стремились устроиться в городах, в Хельсинки и Выборге, где русские культурно-языковые традиции и прежде были более ощутимы. Среди беженцев были люди с артистическими наклонностями, общими силами создавались любительские театры, где ставились пьесы, отрывки из опер, балетные представления; в Хельсинки существовал русский балалаечный оркестр, а также два клуба – Русский клуб и Купеческий клуб, каждый со своей библиотекой, залом и рестораном. Отмечались юбилеи выдающихся русских писателей и композиторов (Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Римского-Корсакова); иногда устраивали концерты удавалось пригласить в Хельсинки из других европейских городов русских знаменитостей, тоже эмигрантов, например, Федора Шаляпина и Тамару Карсавину. Предпринимались попытки создать местную эмигрантскую печать, но выходявшие небольшие газеты на русском языке оказывались кратковременными, книжные издания местных русских литераторов были редкостью, читательский круг узок.

Это относилось и к изданиям карельских и ингерманландских беженцев. Наиболее заметной фигурой в литературном отношении был Юхани Конкка (1904–1970), автор нескольких книг и переводчик русской литературы на финский язык (переведший, в частности, некоторые произведения Чехова, Толстого, «Тихий Дон» Шолохова). В массе своей карельские и ингерманландские беженцы в меньшей степени стремились, по словам П.Невалайнена, к «высо-

кой культуре» (опере, балету, литературной классике) – их встречи в земляческих объединениях носили скорее этнокультурный характер, молодежь увлекал спорт, у финляндских карелов игра в городки до сих пор считается национальным развлечением.

Беженцы из России привнесли в финляндскую культурную жизнь свои собственные «субкультуры» – П.Невалайнен даже считает, что вплоть до 1990-х годов Финляндия не знала такого этнокультурного многообразия, как в 1920–1930-е годы именно благодаря беженцам из России.

С прежней родиной, Россией и Карелией, беженцы уже не могли общаться. Многочисленная русская эмиграция в европейском масштабе привыкла называть себя «второй Россией», но первичной России эмиграция не заменила.

Нечто подобное произошло и с финляндской «красной эмиграцией» в СССР. На своей новой родине они оказались в еще большей изоляции от духовной культуры на своей прежней родине, чем русские эмигранты где-нибудь в Париже от литературных дел в Москве, потому что советские книги в Париж все-таки поступали, а из Парижа, как и из Финляндии, свободно получить что-то в СССР было невозможно. Это обернулось тем, что финская литература после 1918 года вообще оставалась неизвестной писателям-эмигрантам и писателям-карелам, писавшим на финском языке. В советских финноязычных школах, пока они существовали, преподавание финской литературы ограничивалось двумя-тремя писателями XIX века, и ими же ограничивались знания самих преподавателей. Даже о поэзии Эйно Лейно, крупнейшего финского лирика, у нас ничего внятного не говорилось, ее либо не знали, либо не считали выдающимся явлением. Отчасти это объяснялось слишком узко-классовым подходом к литературе со стороны самих писателей-эмигрантов, хотя это не спасло их от сталинского террора и трагической участи.

*Восстановление и развитие культурных контактов
во второй половине XX века*

Военные действия на советско-финляндском фронте закончились в сентябре 1944 года, по условиям договора о перемирии Финляндия обязывалась распустить милитаристские организации и присту-

пить к демократизации финского общества. Курс на сближение обеих стран был закреплен договором 1948 года о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи.

Непросто было преодолеть взаимное недоверие после двух кровопролитных войн. Не только русофобия в Финляндии, но и советская пропаганда военного времени немало поработала, чтобы возбудить ненависть к врагу. Теперь предстояло ненависть погасить, представить народы друг другу в их мирных заботах и неприятии войны. Важные задачи возлагались на культурное сближение, чему должны были содействовать созданные в обеих странах общества дружбы: «Финляндия – СССР» и «СССР – Финляндия». Уже в январе 1945 года, когда война с фашистской Германией еще продолжалась, в Финляндию была направлена большая культурная делегация, в которую входили писатель Леонид Леонов, кинорежиссер Всеволод Пудовкин, композитор Дмитрий Кабалевский и знаменитый Ансамбль песни и пляски Советской Армии, выступивший с концертами во многих финских городах. Высокий профессионализм ансамбля явился для многих финнов приятным сюрпризом, подобного уровня гастрольных концертов в Финляндии давно не было. По свидетельству журналиста и писателя М. Курьенсаари, после концерта в Хельсинки интеллигентного вида молодая супружеская пара тут же публично заявила перед всем залом, что впредь они никогда больше не будут называть русских пренебрежительным словом «рюссия». Это может показаться малозначащей деталью, но с таких деталей должно было начаться воспитание обоюдного взаимоуважения.

Сразу после войны стали усиленно переводиться на финский язык книги советских писателей. Если за весь предшествующий период (1917–1944) количество переведенных советских книг не достигло и двух десятков, то только в одном 1945 году в Финляндии было издано 37 книг советских авторов (или 15% из всей вышедшей тогда в стране переводной литературы). В следующем 1946 году было переведено 25 советских книг (9% всех переводимых изданий)¹. Эти два послевоенных года стали рекордными, в дальнейшем темпы убавились, но все же в течение 1945–1970 го-

дов в финских переводах вышло 158 советских книг (или 1,6% из всех переводных изданий за этот период). Советские книги выходили преимущественно в возникших вскоре после войны левых издательствах, тогда как прочие издательства отдавали предпочтение русской классической литературе XIX века и нашумевшим «самиздатовским» новинкам советского периода. Из русской классической литературы финский читатель тогда получил многие переиздания и новые переводы Достоевского, Гоголя, Гончарова, Лермонтова, Лескова, Пушкина, Толстого, Тургенева, Чехова.

Изменения происходили в самой финской литературе. Актуальной становилась антивоенная тема. Книги Олави Пааволайнена, Вяйнё Линна, Пааво Ринтала, Вейо Мери вызвали широкие дискуссии общенационального масштаба, в которых участвовали, кроме литературных критиков и самих писателей, представители самых разных слоев общества вплоть до отставных генералов. Следует учесть и то, что возобновило свою деятельность основанное еще в 1936 году левое литературное объединение «Кийла» («Клин»). За антимилитаристскую и антифашистскую деятельность некоторые леворадикальные авторы – Элви Синерво, Арво Туртиайнен, Ярно Пеннанен, Раоуль Пальмгрен, К.-М. Рюдберг – были во время войны арестованы и теперь вышли из заключения. Издавались их поэтические, прозаические, публицистические книги. Известность получила, в частности, книга Р. Пальмгрена «Большая линия» (1948), высветившая конструктивные идеи Ю. В. Снельмана о роли культуры в развитии нации.

Постепенно эти книги становились известными и в СССР, в том числе в Карелии, где вскоре после войны начал выходить на финском языке альманах, затем ежемесячный журнал «Пуналиппу» (ныне «Карелия»), значительная часть тиража которого поступала в Финляндию. Финской литературой интересовался также русский журнал «На рубеже» (затем «Север»), уже своим названием подчеркивавший повышенное внимание к литературам северных стран. Стали чаще появляться переводы из классической и современной финской литературы на русский язык, обзорные критические статьи и книжные рецензии.

Для этого требовались подготовленные специалисты, в которых, особенно на первых порах, ощущалась острая нужда. До 1937 года курс истории финской литературы читался студентам финского отделения Ленинградского педагогического института

¹ Сведения о переводах советской литературы приводятся по социологическому исследованию: *Salokoski J. Neuvostokirjallisuus ja Suomi. Sosiologinen pro gradu-tutkimus. Helsingin yliopisto, 1972.*

им. Герцена и Карельского учительского института в Петрозаводске, заслуга в этом принадлежала доценту У.Н.Руханену. Но эта едва складывавшаяся вузовская традиция затем оборвалась в результате арестов (арестован был и У.Н.Руханен), и после войны пришлось все начинать сызнова.

В 1947 году при Петрозаводском университете было открыто финно-угорское отделение (в Ленинградском университете финно-угорская кафедра существовала с 1925 года); активную роль в этом сыграл член-корреспондент Академии наук СССР Д.В.Бубрих, крупный специалист по финно-угорским языкам. Отделения были небольшие, на первый курс в Петрозаводске в 1947 году набралось лишь три студента, да и в последующие годы число поступающих не превышало 5–7 человек. По ряду дисциплин остро не хватало подготовленных преподавателей, но уже в начале 1950-х годов была открыта аспирантура по финскому языку и литературе, вскоре появились первые молодые специалисты, ставшие университетскими преподавателями и исследователями. С середины 1950-х годов литературы Карелии и Финляндии впервые стали предметом планомерного академического исследования в Институте языка, литературы и истории АН СССР.

Примерно тогда же начались первые приезды в СССР и Карелию финских ученых в исследовательских целях. В числе первых были языковед и собиратель фольклора Пертти Виртаранта и фольклорист, исследователь «Калевалы» Вяйне Кауконен, впоследствии удостоенный звания почетного доктора Петрозаводского университета. Это означало, что финские ученые вновь могли собирать в Карелии языковые и фольклорные материалы, знакомиться с ее культурой, выпускать на этой основе книги. Первые поездки карельских ученых в Финляндию для работы в библиотеках, архивах, музеях начались несколько позже, в 1960–1970-е годы.

Для исследователей чрезвычайно важен регулярный книгообмен, который налаживался с большим трудом. На первых порах для советских исследователей весьма кстати пришлись обширные фонды фундаментальной выборгской библиотеки, к счастью, уцелевшей в войну. Часть ее фондов оказалась в библиотеке Ленинградского университета, часть в научных библиотеках Петрозаводска. Большим подспорьем оказались также центральная Библиотека Академии наук СССР и Библиотека им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, где сохранилась, кроме книг, в полном виде вся финляндская периодика XIX – начала XX века (на фин-

ском и шведском языках), поскольку туда высылались обязательные экземпляры всех финляндских изданий вплоть до самых мелких брошюр и провинциальных газет. В советский период такое правило уже не соблюдалось. После Второй мировой войны частичный книгообмен с Финляндией осуществлялся через Академию наук СССР, но более или менее полного комплектования финской литературой нет ни в одной из центральных библиотек России, в том числе в специализированной Библиотеке иностранной литературы в Москве. Попутно отметим, что в Хельсинки имеется фундаментальная Славянская библиотека, русские фонды которой с особой полнотой комплектовались в период, когда Финляндия входила в состав России.

Со временем налачился обмен университетскими преподавателями. На финно-угорском отделении Ленинградского и Петрозаводского университетов лекции по финскому языку и литературе периодически читались финляндскими профессорами и преподавателями, а в Финляндию выезжали специалисты по русскому языку и литературе. Если в период автономии в Финляндии был всего лишь один университет, то в настоящее время их девять, и в некоторых имеются кафедры славистики с преподаванием русского языка и литературы. Профессор-славист Эрки Пеуранен из университета Ювяскюля в свое время проходил аспирантуру в Московском университете, защитил докторскую диссертацию о лирике Пушкина 1830-х годов, опубликовал ее на русском и финском языках. Профессор Пекка Песонен исследовал творчество Андрея Белого и возглавляет кафедру славистики в Хельсинкском университете. На упомянутых кафедрах работают и другие сотрудники, время от времени они издают свои труды, в том числе на русском языке.

У Петрозаводского университета установились постоянные контакты с университетом города Йюэнсуу, который в настоящее время является культурным центром финляндской Карелии. Университет в Йюэнсуу и возник в этих целях – аккумулировать в себе научные силы для изучения карельской культуры и для развития региона, именуемого в Финляндии Северно-Карельской губернией. Главными инициаторами создания университета были профессора-историки Хейкки Киркинен (первый его ректор), Вейо Салохеймо и профессор-литературовед Ханнес Сихво. Каждый из них является автором многочисленных работ по истории и культуре Карелии, причем их объединяет общая центральная идея, один

общий подход: Карелия в ее многосторонних исторических связях с Востоком и Западом, со славянским и германо-скандинавским миром. В частности, богаты исторической и историко-культурной информацией две книги Х.Сихво: «Открыватели Карелии» (1968) и «Образ Карелии в эпоху финляндской автономии» (1973). Коллективными усилиями многих исследователей подготовлен ряд капитальных изданий, в частности, пятитомный комплексный труд «Карелия» (1981–1984). Написанная Х.Киркиненем, П.Невалайненем и Х.Сихво «История карельского народа» издана также в переводе на русский язык в Петрозаводске (1998). Заслуживает упоминания книга П.Вирта-ранта «Этюды о карельской культуре», вышедшая двумя изданиями в Финляндии и в русском переводе в Петрозаводске (1992); в книге речь идет о культуре Республики Карелия.

Следует отметить одну характерную особенность книгоиздательского дела последнего десятилетия: финские исследователи очень заинтересованы в том, чтобы их труды, касающиеся финляндско-русских отношений, Карелии, Ингерманландии, выходили не только на финском языке в Финляндии, но и в русском переводе в России, для чего финская сторона выделяет деньги. Таким способом в российских издательствах вышло уже множество книг финских авторов, преимущественно исторического содержания. Новым здесь является именно желание установить непосредственный контакт с русским читателем, равно как и то, что это стало вообще возможно только в связи с исчезновением идеологических барьеров и противостояний.

В советский период идеологические барьеры были куда строже, но все же художественная литература издавалась по взаимной договоренности издательств обеих стран. Так, в 1970–1980-е годы три крупных московских издательства – «Художественная литература», «Молодая гвардия» и «Прогресс» – выпустили 10-томную «Библиотеку финской литературы» (потом вышли еще дополнительные тома, но без обозначения серии). Следует сказать, что «Библиотека», включающая литературу Финляндии XX века, является пока самым представительным ее изданием в России.

Финны сравнительно хорошо информированы о происходящем в сегодняшней России, в том числе в области культуры и духовной жизни. Для дополнительной информации и развития культурных связей в Петербурге создан специальный «Институт Финляндии», сотрудники которого обладают соответствующей научной подготовкой и владеют русским языком.

«Будем европейцами, но останемся финнами»

Случилось так, что вскоре после распада Советского Союза Финляндия на основе референдума 19 октября 1994 года вступила в Европейский Союз, и между этими событиями можно усмотреть некоторую связь. В предшествующие десятилетия, особенно в 1960–1970-е годы, в период президентского правления Урхо Каллеви Кекконена, в финской и западной печати много говорилось о чрезмерной зависимости внешней и внутренней политики Финляндии от восточного соседа. Имелось в виду даже нечто большее, чем межгосударственные договорные обязательства; предполагалось, что за многие годы бесконфликтного послевоенного сосуществования финское руководство слишком привыкло предугадывать пожелания Москвы и во избежание осложнений считаться с ними, проявляя при этом политическое искусство и поддерживая взаимное доверие. На фоне острой конфронтации двух политических систем в мировом масштабе советско-финляндские отношения квалифицировались Москвой как образцовые, а на Западе утверждали, что Москва хотела бы «финляндизировать» всю Европу, начав со Скандинавии. Политика «финляндизации» стала в западной прессе притчей во языцех. В самой Финляндии это могло кое для кого звучать обидно, одни остерегались усиления советского влияния, а другие, напротив, приветствовали его, в том числе в области идеологии и культуры.

Распад СССР и всего социалистического лагеря показал глубинную идеологическую кризиса, отозвавшегося так или иначе во многих странах мира, включая Финляндию. В изменившихся условиях, когда в самой России от прежней идеологии отказались на вполне официальном уровне и, как следствие, пытаются пересмотреть заново всю российскую и мировую историю, подобное же искушение возникает и в других странах, особенно в тех, где имелись близкие к советской идеологии левые культурные движения. Теперь это не только не осуждается со стороны восточного соседа, но, напротив, приветствуется и поддерживается.

Разумеется, далеко не все в развитии финской культуры после второй мировой войны можно объяснить одним советским влиянием – это был внутренний процесс, определявшийся потребностями финского общества. И левые влияния шли также с Запада. Скажем, левое студенческое движение, охватившее в 1960–1970-е годы и финские университеты, началось во Франции и было ис-

ключительно западным. Во второй половине XX века в Финляндии резко возросло количество студентов; полевевшее студенчество стало весомой культурной силой, именно из тогдашних студентов вышли так называемые «культурные радикалы» – писатели, журналисты, театральные режиссеры, артисты, кинематографисты, композиторы левых политических песен-зонгов. Молодежь участвовала в митингах и концертах в защиту Кубы, Вьетнама, Чили, организовывала помощь этим странам. Многие «культурные радикалы» происходили из буржуазной семей, конфликтовали не только с обществом, но и с родителями. Они хотели порвать с господствовавшей национал-шовинистической идеологией прошлых десятилетий, с ксенофобией и русофобией. В финских университетах появились профессора левых убеждений, повышенное внимание среди университетских дисциплин получила социология, наука об обществе и его структурах. Реакцией на прежние прогерманские и профашистские симпатии правых сил стало преодоление германофильства в милитаристском его восприятии; уже модернистское поколение 1950-х годов отдавало предпочтение англосакской культуре и английскому языку.

Значительным влиянием в Финляндии обладала компартия, она была представлена в 1970-е годы даже в правительстве. Компартия делилась на две фракции, из которых более радикальная называлась «тайстовской» по имени лидера Тайсто Синисало, а другая – «саариненской» по имени Аарне Сааринена. Первая фракция считала другую «ревизионистской», но обе поддерживали связь с КПСС, разногласия отражали раскол в мировом коммунистическом движении. В контакте с «тайсовцами» возникло леворадикальное культурное объединение «Союз работников культуры» со своим журналом, театром, творческими коллективами. Тогда вошло в обиход понятие «ангажированного», социально активного искусства, обращенного к массам. В частности, в театральной жизни весьма популярной стала драматургия Брехта, Бюхнера, Горького, Хеллы Вуолиёки; ставились и собственные агитационные пьесы.

Все эти совокупные процессы полевения в финской культуре, включая литературу, искусство, науку, университетскую жизнь и интеллигентскую среду, стали теперь, в период спада леворадикальных настроений, расцениваться как попытка некоего «реванша» тогдашних левых в их противостоянии с правыми, которые преобладали в 20–30-е годы, но которые в 50–70-е вынуждены

были отступить, отчасти даже при «попустительстве» властей. Ведь писатель Вяйнё Линна, чьи романы оказали столь сильное влияние на общественное мнение в понимании финских событий 1918 года и затем войны с СССР, был в конце жизни официально произведен в академики, его портрет красовался даже на государственной ассигнации стоимостью в 20 марок, а из культурных деятелей такой чести удостоивались только люди действительно выдающиеся, общенационально признанные.

Конечно, в исторических событиях и их оценке разобраться бывает непросто, теперь мы в этом достаточно убедились также в России, и к единому мнению по многим вопросам до сих пор никак прийти не можем. В финской истории события 1918 года и последующие советско-финляндские войны трудно сколь-нибудь окончательно и безоговорочно оценить уже потому, что сразу же возникает вопрос: а что было бы с независимостью Финляндии в случае победы финского революционного правительства в 1918 году или «териокского правительства» образца 1939 года? И когда нынешние полемисты утверждают, что национальным героем в упомянутых событиях был все-таки Карл Густав Маннергейм, а не Эдвард Гюллинг или Отто Куусинен, то совсем не прислушаться к этому невозможно. Но невозможно присоединиться и к тому продолжению, которое за этим следует: дескать, финская революция 1918 года была лишь результатом подстрекательства русских большевиков, и якобы ее участниками, рабочими и сельской беднотой, руководила лишь низменная зависть к имущим, и будто бы их вооруженное восстание можно безоговорочно считать противозаконным и преступным. Но ведь с такой упрощенной логикой можно дойти до утверждения, будто и крупнейшее крестьянское восстание финского средневековья, известное под названием «Дубинной войны», было противозаконным и преступным, а заодно придется осудить вообще все известные в мировой истории народные восстания и национально-освободительные движения: и восстание римских рабов под предводительством Спартака, и восстание русских крепостных крестьян во главе с Емельяном Пугачевым, и освободительную борьбу народов Африки и Азии с распадом колониальных империй.

В Финляндии гражданская война 1918 года вовсе не оценивалась столь однозначно, с безоговорочным осуждением восставшего народа, даже теми писателями, которые в принципе не одобряли кровопролития, но оставались гуманистами. Не случайно вышед-

ший сразу же после трагических событий роман Ф.Э.Силланпя назывался «Праведная бедность» (1919). Писатель не героизировал красных, но не героизировал и белых, в отличие, скажем, от В.А.Коскенниemi или его единомышленника Бертеля Грипенберга. Силланпя *сострадал* прежде всего бесправным и обездоленным, в этом была сила его таланта.

Острая полемика вокруг романов Вяйне Линна в 1950–1960-е годы, казалось бы, исчерпала саму эту тему – их общенародный успех заставил в конце концов притихнуть даже тех, кто их не принимал. По отношению к гражданской войне 1918 года был взят официальный курс на примирение сторон, памятники воздвигались всем жертвам, красным и белым.

Но в 1990-е годы романы Линна вновь стали предметом полемики. К ним возвращаются именно потому, что они очень популярны, успели оказать большое влияние на общество и продолжают оказывать.

Теперь стали вновь говорить, что Линна в своих талантливых романах все-таки слишком односторонен и тенденциозен, что они дают превратное представление о финской истории, преувеличивают роль социальных низов и недооценивают верхние слои общества, патриотическую интеллигенцию «старого закала», политическое руководство страны периода 1920–30-х годов, офицерскую элиту в армии. Писателю не могут простить того, что он показал социальную суть событий 1918 года, высмеял солдатским смехом пропагандистские лозунги военных лет, показал жестокость и безрассудство войны, лишив ее всякой романтизированной героики в прежнем понимании.

Наиболее очевидной попыткой ностальгически оправдать и даже возродить старые идеологические стереотипы более чем полувековой давности явилась статья Пентти Линкола¹ с выпадами не только против романов Линна, но и с реабилитацией ультраправого германофильства профашистского толка. Автор договорился до того, что считает поражение гитлеровского рейха во Второй мировой войне «несчастливым ее окончанием», в противном случае, дескать, Германия и сегодня продолжала бы быть центром мировой цивилизации. С такой точки зрения и гражданская война 1918 года

¹ Linkola P. Mietteitä ja muistoja sivistyneistöä – näkökulma vuosisadan aatehistoriaan // *Hiidenkivi*. 2001. № 1. S. 6–10.

в Финляндии является для автора всего лишь «борьбой варварства против культуры». А всякое упоминание о демократии вызывает у автора нервический возглас: «Нет, нет и еще раз нет!». Линкола не без гордости вспоминает, что один из его именитых родственников удостоил личным приемом Гимmlера, когда тот тайно посетил в 1942 году Финляндию. С такой логикой получается, что одни только красногвардейцы были преступниками и варварами, а о преступлениях фашизма в статье нет и помину.

Статья Линкола вызвала резкие возражения, в том числе со стороны прежних «культурных радикалов» (Ёуко Тьюори, Юкки Кекконен и др.). Статья может показаться нарочито сочиненным курьезом, но она выражает в наиболее оголенном виде определенную тенденцию на сегодняшнем идеологическом распутье. Нынче левых обвиняют в крайнем упрощении истории, сведенной лишь к классовой борьбе трудящихся масс. Но правые перегибают палку к противоположной крайности, всячески превознося роль «элиты» в историческом процессе и пренебрегая инициативой и самой судьбой социальных низов.

Реальная история куда сложнее и не подчиняется примитивной логике. Ёуко Тьюори в своей полемической реплике «Зашоренная интеллигенция»¹, отвергая Линкола с его профашистским германофильством, считает, что именно заигрывание значительной части финской интеллигенции с нацизмом в 1930-е годы явилось одной из причин осложнения советско-финляндских отношений и последующих войн. Финляндия имела основание не доверять Сталину (теперь и у нас признано, что Зимняя война 1939–1940 годов началась по его приказу), но и Сталин, по мнению Тьюори, был вправе не доверять Финляндии как потенциальному союзнику нацистской Германии. Финляндское руководство, возможно, надеялось, что Гитлер в 1939 году довольствуется половиной Польши, но жертвой войны уже со стороны СССР оказалась и Финляндия. По словам Тьюори, люди с застарелыми германофильскими симпатиями никак не могут простить президенту Кекконену его усилий по установлению доверительных отношений с восточным соседом.

Со вступлением в Европейский Союз перед Финляндией возникли новые проблемы. Финны слишком долго и трудно шли к созданию независимого национального государства, чтобы теперь

¹ *Tyyri J. Sokaistu sivistyneistö // Hiidenkivi*. 2001. № 2. S. 45–46.

можно было позволить себе беспечально проститься хотя бы с малой частицей своего суверенитета. Вся современная финская культура и современный финский язык исторически еще очень молоды, чтобы не ощущать боязни, как они будут сохранять свою самобытность в условиях активной европейской интеграции, усиливающихся миграционных процессов и межнациональных влияний. Для вступления в Европейский Союз требовалось урегулировать культурно-языковой статус этнических меньшинств – финляндских саамов и цыган. С увеличением русскоязычных мигрантов (в том числе из среды ингерманландских финнов) возникает вопрос об их культурно-языковой адаптации.

Сам финский литературный язык со времен Элиаса Лённрота складывался в традиционно пуристском русле с избеганием чрезмерного количества иностранных лексических заимствований. Наверное, мало найдется в Европе таких современных литературных языков, в которых отсутствовали бы, например, столь распространенные интернациональные слова, как литература, университет, студент, география, грамматика, республика, артиллерия, кавалерия и т. д., а из новых – компьютер, брифинг, саммит, эксклюзивный и сотни других. Финны стараются заменить их своими финскими лексическими новообразованиями, хотя это становится все труднее с наплывом новой интернациональной лексики. В финской печати сегодня нередко утверждения, что для современного интеллигента, особенно представителя относительно небольшого народа, впору знать не один-два, а четыре-пять иностранных языков, что так или иначе отразится на родном финском языке. Уже сейчас раздаются жалобы на молодежный слэнг, в котором больше половины искаженных иностранных слов.

В последние годы в Финляндии появляются исследования, специально посвященные истории финской самобытности (так называемого идентитета), причем можно заметить, что авторы подчас из добрых побуждений либо отодвигают зарождение зрелой национальной идеологии в слишком далекую историческую глубь, либо, напротив, подверстывают под нее малоподходящие поздние явления. Примером последней тенденции является книга М. Виртанена «Наследники фенномании» (2001), в которой к этим наследникам отнесены, по ироническому замечанию рецензента

Х. Сихво¹, даже леворадикальные «тайсовцы» 1970-х годов, о которых Т. Вихавайнен в книге «Сталин и финны» (1998), напротив, утверждает, что они как раз мостили для Финляндии «дорогу к сталинизму»².

О культурных связях Финляндии с Россией более реалистическую точку зрения высказал, думается, Йоханнес Салминен, полагающий, что даже при нынешней духовной сумятице в России для финнов всегда остается неисчерпаемое классическое наследие русской художественной культуры. «В Хельсинки, – размышляет автор, – сегодня интересно жить именно потому, что это открытый город и для востока, и для запада. Испытываешь чувство свободы, когда не надо больше «стоять на страже у форпоста» – ведь «форпосты» всегда остаются при движении где-то позади, сколь бы героически за них ни дрались. Происшедший в России переворот – это для нас, финнов, новый серьезнейший вызов: способны ли мы без предрассудков вступить в контакт с людьми, наконец-то сбросившими с себя маску тоталитаризма? И что мы сами сможем им предложить?». И далее: «России предстоит трудное духовное выздоровление, но ее классическое наследие – это тот бездонный кладезь, из которого и мы, финны, можем черпать. Ни в коем случае мы не должны повторить ошибок XIX столетия, когда большая часть русской культурной жизни прошла мимо нас, то ли по причине нашей гордыни, то ли исключительно по неведению»³.

Современный мир стремительно интернационализируется, глобализуется, технологизируется, и все последствия этого трудно предугадать, хотя в Финляндии созданы специальные научные центры по прогнозированию национального будущего с учетом мирового развития.

От слишком далеких прогнозов реалистические умы воздерживаются, считая, однако, что в обеспечении будущего и в сохранении национальной самобытности в широко распахнутом ныне мире многое зависит от воли и культурного развития самой нации.

¹ Virtanen M. Fennomainian perilliset. Helsinki, 2001.

² Sihvo H. Sukupolvien perintö? // Hiidenkivi. 2001. № 5. S. 32–33.

³ Salminen J. Mts. S. 180, 182.